

О профессоре А. Ф. Лосеве и природе антисемитизма

ЕФИМ КУРГАНОВ

А. Ф. ЛОСЕВ начинал как религиозный мыслитель (и тогда он, вслед за П.А.Флоренским, отрицал Возрождение), а затем он стал великим систематизатором античной и возрожденческой мысли. Причем, на всем протяжении своего долгого пути А. Ф. Лосев был страстным и последовательным поклонником Вл. Соловьева. При этом он почему-то всегда старался замазать, скрыть тот совершенно очевидный факт, что Вл. Соловьев занимался изучением Каббалы (Бурмистров 1998, 39).

Зачем нужна была А.Ф.Лосеву эта фальсификация? Вообще она была совсем не случайна. А.Ф.Лосев боролся с кабба-лизмом в русской мысли начала двадцатого столетия, делая это, правда, довольно оригинальным образом — пытался его проигнорировать. В общем-то это не очень получалось. В результате профессор А.Ф.Лосев рассердился — на ...Каббалу. Поглядим, что из этого вышло.

1.

Не так давно опубликованные материалы следственного дела профессора А.Ф. Лосева многим кажутся сфабрированными. В качестве главного адвокатского аргумента (я, кстати, убежден, что великий эрудит и книжник нашего времени не нуждается ни в адвокатах, ни в прокурорах; его нужно не защищать и не осуждать, а всего лишь попробовать понять) при этом выставляется следующее : А. Ф. Лосев не мог так высказываться, ибо был интеллигентен в высшем смысле слова.

Интеллигенция, на языке самого А.Ф.Лосева, издавна любившего платонизировать (вообще если Филон Александрийский, фигура для Лосева во многом эталонная, был платонизирующим

иудаистом, то Лосев был скорее иудействующим платоником), — это термин, обозначающий сознание, которое само себя сознает (*Лосев 1995, 22*):

Сознание, интеллигенция есть соотнесенность смысла с самим собой.

Сознание нации не может быть произвольно сконструированным; оно соответствует достигнутому уровню нации — духовному, интеллектуальному, этическому.

З.Н.Гиппиус в разговоре с Михаилом Слонимским, когда речь зашла о еврейских погромах, спросила у него, с кем он был бы — с погромщиками или их жертвами. Слонимский спросил ее, в свою очередь, о том, с кем была бы она. З. Н. Гиппиус отвечала, что, конечно, с погромщиками. Этот замечательный эпизод, со слов Михаила Слонимского, был записан Романом Гулем (*Гуль 1981, 282-283*):

Вот она [З.Н. Гиппиус-Е.К.] и меня как-то спрашивает: «Скажите, Миша, вот вы крещеный еврей, русский человек, но вот когда вы узнаете о еврейском погроме, на какой стороне вы себя чувствуете — на стороне громящих или на стороне громимых?». Я отвечаю ей вопросом: — А вы, Зинаида Николаевна, на какой стороне себя чувствуете? — Ну, я-то, естественно, на стороне громящих...

Ответ, данный З.Н.Гиппиус М.Слонимскому страшно честен. И особенно страшно в нем — это словечко «естественно»: «естественно, на стороне громящих».

Хочу теперь напомнить еще один русско-еврейский разговор — В. Розанова с Л. Шестовым. Правда, в отличие от З. Гиппиус, В. Розанов не очень, видимо, хотел признать вывод, буквально вытекавший из слов Шестова, и все-таки он признал этот вывод (*Розанов 1994, 171*):

Шестов, тоже еврей, сидя у меня, спросил:

— К какой бы из теперешних партий примкнул бы Достоевский, если бы был жив ?

Я молчал. Он продолжал:

— Разумеется, к самой черносотенной партии, к Союзу Русского Народа и «истинно русских людей».

Догадавшись, я сказал :

— Конечно.

Розанов фактически выразил согласие под напором Ше-стова, что Достоевский должен был испытывать симпатии к деяниям черной сотни. Гиппиус созналась добровольно и откровенно, что она как русский интеллигент в душе не может не поддерживать «Союз русского народа».

При всех различиях, два этих русско-еврейских разговора очень похожи, но все-таки я буду оперировать словами Гиппиус, в силу их большей открытости.

З. Н. Гиппиус сколько угодно могла осуждать антисемитизм, но она родилась и выросла в Российской империи, была русским интеллигентом, и потому, независимо от своей воли и своих взглядов, она могла находиться именно на стороне погромщиков.

Думаю, что признание З.Н. Гиппиус — ключ к проблеме *русская интеллигенция и антисемитизм* и, в частности, к феномену А. Ф. Лосева как религиозного мыслителя.

Само положение русского религиозного мыслителя, лидера имяславского уклона в православии буквально обрекло А. Ф. Лосева на антисемитизм.

В имяславии все строилось на придании божественным именам статуса творческой силы. Такой путь в православии имел явный каббалистический оттенок, ведь главные каббалистические тексты «Зогар» и «Сефер Ецира» демонстрируют, как 22 буквы еврейского алфавита, которые, кстати, существовали до творения, как раз и создали систему миров.

А. Ф. Лосев, подробно, с опорой на источники пересказывая каббалистические идеи, писал (главка «Творение при помощи букв» трактата «Вещь и имя») (Лосев 1999, 316):

Благодаря имени, начертанному из сорока двух букв [имеется в виду сорокадвубуквенное имя Бога - *Е.К.*], мир принял более четкие формы. Все формы, существующие в мире, исходят из этих сорока двух букв, которые являются в некотором роде короной священного имени. Взаимно сочетаясь, накладываясь друг на друга и образуя некие формы вверху и другие внизу, они дают, таким образом, начало четырем координальным точкам и всем формам, которые существуют в мире.

Глобальная зависимость от еврейской мистики как раз и порождала (причем, с необыкновенной интенсивностью) резкий рост антисемитизма среди имяславцев. Антисемитизм вообще ведь есть проявление слабости, а не силы, он есть знак собственной ущербности того, кто открыто или затаенно проявляет антисемитизм.

И еще один болезненный аспект был связан с интересом А. Ф. Лосева к каббале.

Для начала хотел бы подчеркнуть то, что интерес такой (к каббале) у А.Ф.Лосева был. Обычно данное обстоятельство напрочь игнорируется. Более того, в печати оно

никогда прежде не подтверждалось документально. И вот, наконец, совсем недавно был опубликован каббалистический раздел трактата «Вещь и имя» (Лосев 1999, 309-321). В предыдущих публикациях трактата этот раздел опускался — давались его первые строки, а потом текст обрывался (Лосев 1991, 241).

Знакомство с полным текстом трактата «Вещь и имя» убеждает, что Лосев был внимательным читателем каббалистических текстов. Более того, он с ними знакомился отнюдь не по дилетантскому пересказу Папюса, а по первоисточникам.

Лосев штудировал французский перевод «Зогара», охватывающего более тридцати книг; причем, чтение это, судя по всему, для философа было связано с мучительными переживаниями.

Каббала — это синтетическая наука, изучающая законы движения, гибели и восстановления миров. Заниматься каббалой может только еврей и то только по достижении определенного возраста. Для чужого занятия каббалой опасны. Для того, кто внутренне не готов к ее восприятию, кто структурно чужд каббале, последствия могут быть самые непредсказуемые.

Итак, с одной стороны, каббала является источником имя-славия; с другой же стороны, православным заниматься каббалой никак нельзя, даже невозможно.

В Каббале шла речь о спасении только евреев (не случайно мощнейший взлет каббалистической мысли наметился после изгнания евреев из Испании, когда была создана так называемая лурианская каббала, — великий каббалист Ицхак Лурия стал расставлять в каббалистическом учении совершенно новые акценты, и именно тогда проблема распыления и восстановления миров приобрела в каббале глобальное, определяющее значение), и вот это-то для имяславца Лосева должно было быть особенно страшно.

В процессе осознания данного круга обстоятельств прежде всего, как мне кажется, и сформировался лосевский антисемитизм.

Каббалистический источник имяславским движением фактически был самовольно присвоен, на самом деле он принадлежал чужому и в общем-то презируемому миру, что должно было отравлять научное и национальное спокойствие профессора А. Ф. Лосева.

2.

Среди выписок из лосевских «Дополнений» к «Диалектике мифа», сохранившихся в следственном деле, находятся и следующие:

Каббала есть обожествление и абсолютизация Израиля (, *Так истязу-ется иразпинается истина...* " (1996), 121);

Еврейство со всеми своими диалектически-историческими последствиями есть сатанизм, оплот мирового сатанизма (*там же*, 122).

Этим жестким формулам, явно пахнущим духом трибунала инквизиции, можно найти аналог в официальном тексте «Диалектики мифа» (1994, 211):

Сущность всей Каббалы ... заключается вовсе не в пантеизме, как это думают либеральные ученые, сопоставляющие учение об Эн Софе и Зефиротах с неоплатонизмом, а скорее — в ПАНИЗРАЭЛИЗ-МЕ; каббалистический Бог НУЖДАЕТСЯ в Израиле для своего спасения, ВОПЛОЩАЕТСЯ в него и СТАНОВИТСЯ им, почему миф о мировом владычестве обуженного Израиля, от вечности содержащегося в самом Боге, есть такая же диалектическая необходимость, как для платонического космоса — быть одушевленным существом...

Открытие *панизраэлизма* каббалы, которая была для видного деятеля имяславского движения источником внутренне близким и методологически крайне значимым, думается, явилось тем главным, направляющим импульсом, который стимулировал появление лосевского антисемитизма.

Уже самая мировоззренческая зависимость от Каббалы для православного, хотя и не ортодоксального мыслителя, каким Лосев был в 20-30-е годы, была достаточно оскорбительна, но все оказалось страшнее по своим последствиям.

Каббала, оказывается, не просто создавалась евреями, но и для евреев, — этот простой и естественный вывод имел для Лосева поистине трагическое значение.

Русскому религиозному философу логично было бы отвернуться от Каббалы, вычеркнуть ее из своего мировоззренческого потенциала (раз *это* их, пусть и тешатся своими игрушками), но это уже было невозможно, ибо каббала слишком прочно легла в основание имяславия, что только усиливало и обостряло лосевский антисемитизм.

Невозможность отказа от каббалы, осознание того, что без нее обойтись попросту невозможно, — отсюда прямой путь к инвективам Лосева против мирового еврейского сатанизма.

Вообще лосевский случай довольно показателен. Практически неизбежная зависимость мистически настроенного мыслителя от Каббалы столь же неизбежно приводит его к антисемитизму.

Да, любовь к чужим игрушкам и, главное, привыкание к чужим игрушкам часто дорого обходится и нередко приводит к потере контроля над собой (не хочется отдавать, не хочется признавать, что у них есть настоящий хозяин), к дикой агрессии, направленной на хозяина чужих любимых игрушек, см., например, признание Лосева, что он начал активно заниматься семитской филологией, а потом бросил, увидев в этих занятиях угрозу своей православности (*Бибихин* 1993, 141):

Есть убежденные евреи христиане. Варфоломей, профессор Духовной Академии. Мы у него занимались семитической филологией. Начали заниматься по моей инициативе — и окончили тоже по моей. Я решил благоразумно это дело оставить, потому что всего не совместить ...

Чем сильнее зависимость (особенно духовно-интеллектуальная), тем бешенее ненависть, ибо ничто так не подстегивает ненависть, как комплексы, порождаемые неуверенностью в своей самостоятельности, сомнениями в своем праве на особое положение в мире.

Великий пианист Святослав Рихтер рассказывал (видел и слышал в документальном телефильме, кажется, французском; записываю по памяти), что С. Прокофьев ненавидел С. Рахманинова и прежде всего потому, что Рахманинов слишком много для него значил. Печальный закон, но он, увы, действует. В частности, закон этот объясняет антисемитизм А.Ф.Лосева, который

был тайным платонизирующим каббалистом (платонизм подчеркивал, а каббалистическую основу скрывал); может быть, объясняет вообще природу философского антисемитизма.

Интеллектуальная зависть как-то особенно мерзка; она намного гаже зависти бытовой, объясняемой непосредственной выгодой. Но особенно страшна интеллектуальная зависть, высказываемая не от имени личности, а от имени (на)рода. Она оскорбительна и для личности и для народа, от имени которого та выступает.

Интеллектуальная зависть глубоко унизительна; она представляет собой своего рода сальеризм. Из такого сальеризма как раз и выполз ущербный по своей сути религиозный антисемитизм, прорвавшийся в целом ряде высказываний замечательного книжника и великого эрудита А. Ф. Лосева.

Почему же все-таки А.Ф.Лосев оказался антисемитом? Каковы реальные корни этого явления ?

Попробую дать, завершая настоящий этюд, краткий, предельно сжатый ответ.

3.

Заниматься серьезно мистикой и при этом обходиться без Каббалы — просто невозможно, ибо именно каббала есть универсальная система мистически ориентированных наук о человеке и мире. Таков был, как мне кажется, самый первый импульс, давший толчок к появлению лосевского антисемитизма.

Но это было еще не все. В Каббалу проник, оплодотворил ее и растворился в ней столь любимый Лосевым платонизм. И вот что еще важно было для Лосева, вот что вызывало совершенно особую грусть у русского мыслителя.

Платонизм как живое явление давным давно исчез, а кабба-лизм остался. С каббализмом, а отнюдь не с платонизмом Лосев мог входить в непосредственное соприкосновение (о тайнах каббалы ему рассказывал философ, переводчик Гегеля и Кассирера, знаток «Зогара» и «Талмуда», в прошлом — до дела Бейлиса — ближайший друг В. Розанова и главный его советчик по иудаизму, Борис Столпнер).

Если встреча с каббалистом была действительно возможна, то встреча не со специалистом по платонизму, а с настоящим платоником была просто исключена.

Греческий исток мистики высох, а иудейский, поглотив в себе греческое начало, журчал себе как ни в чем не бывало. Это обстоятельство в значительной степени обостряло лосевский антисемитизм, но главной причиной все-таки было то, что европейский философ-мистик просто не в состоянии обойтись без каббалы, без света «Зогара» («Книги Сияния»).

Живучесть Каббалы, актуальность Каббалы — осознание данного обстоятельства серьезно обостряло лосевский антисемитизм, делало его особенно резким и агрессивным.

Чем сильнее мыслитель ощущал потребность в изучении Каббалы, тем животней и безобразней становился его антисемитизм. Антисемитизм был платой за глобальную интеллектуальную зависимость.

Лосевскую коллизию еще можно описать так: с одной стороны, благодаря полученному воспитанию, говоришь, что не хочешь чужого, что это чужое, на самом деле, никуда не годится, но вместе с тем оказывается, что не воровать не можешь, ибо этого чужого все-таки очень хочется.

Можно сказать и иначе — более конкретно : Лосев пришел к невозможности для европейского мыслителя игнорировать Каббалу и осмыслил это довольно трагически.

4.

Да, Лосев мог (и пробовал поначалу это делать) отказываться от Возрождения, настоенного на Каббале, и прославлять Средние века, но это было абсолютно бесперспективно. Лосев, конечно, мог как угодно манипулировать Возрождением, но что ему было делать с собой, со своей зависимостью от Каббалы?

Так что прежде, чем отказываться от Возрождения, Лосеву, если уж быть последовательным, надо было бы отказаться от русской философии Серебряного века с ее напряженным интересом к Каббале (учитель А.Ф.Лосева отец П.А.Флоренский даже читал особый курс по Каббале; в 1914 г. отец Павел защитил диссертацию и стал профессором Московской духовной академии, а уже в 1915 г. читал курс по Каббале) и от самого себя¹.

¹ Недавно появилась статья Н. К. Бонецкой, посвященная философии имени у Лосева, и там в разделе «Проблема антисемитизма Лосева» (с. 130-134) было отмечено: «Как свидетельствует супруга Лосева, на Каббалу (во французском переводе) ему указал переводчик Гегеля В. Стоппнер. Лосев интересовался нео-платиническими мотивами Каббалы, и Стоппнер, прекрасно с ней знакомый, оказывал ему здесь помощь. Учитывая то огромное влияние, которое имел на Лосева Флоренский (знавший Каббалу в еврейском подлиннике, часто ссылавшийся на ее книги и использовавший ее принципы для своих изысканий), можно предположить, что интерес Лосева к Каббале восходит не только к Стоппнеру, но и к Флоренскому.» (Бонецкая 2001,133.)

Осознание А. Ф. Лосевым каббализма как необходимого элемента своего православного мирозерцания, — это, собственно, и есть главный источник того антисемитизма, который был присущ автору «Диалектики мифа».

А.Ф.Лосев не смог и не захотел простить народу Израиля того значения, которое имела Каббала для европейской мысли. Причем, шанс на прощение еще был бы, если бы не собственные каббалистические привязанности Лосева. Этого уж пережить русскому мыслителю было совершенно невозможно. Собственно, он рассердился на себя, на свой кабба-лизм, а досталось, как всегда в таких случаях бывает, евреям. И, кстати, дело тут не в особенностях нервно-психического склада будущего великого историка античной и возрожденческой мысли, не в сугубо индивидуальной причине, а в причине в общем-то цеховой.

Вокруг П. А. Флоренского в первые десятилетия двадцатого века сложился круг православных философов, каждый из которых в большей или меньшей степени занимался изучением Каббалы — В.В.Розанов, С.Н.Булгаков, А.Ф.Лосев. Видимо, это занятие казалось очень перспективным и даже необходимым, неизбежным что ли, но одновременно оно ощущалось как совершенно неправославное и неподобающее рангу православного философа. Возникла обида, что приходится вслед за Вл. Соловьевым изучать «Зогар», возникало чувство ущербности, и в результате срочно понадобилось найти виноватого, каковым и оказался народ, из недр которого и вышла «Книга Сияния» — «Зогар». Реакция странная, болезненная, но по-своему естественная: чем сильнее влияние, тем страшнее ненависть.

HELSINKI

Библиография

- Бибихин, В.И.*, 1993, Из рассказов А. Ф. Лосева //Начала, 1993 '.2-4, Абсолютный миф у А. Ф. Лосева, вып. 2, с. 233-239.
- Бонецкая, Н.К.*, 2001, Имяславец-схоласт // Вопросы философии, 2001:1, с. 123-142.
- Бурмистров, К.*, 1998, Владимир Соловьев и Каббала. К постановке проблемы // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник, с. 7-104.
- Гуль, Р.*, 1981, Я унес Россию, i, Россия в Германии. Нью-Йорк.
- Лосев, А. Ф.*, 1994, Миф : Число : Сущность. Москва.
- Лосев, А. Ф.*, 1995, Форма : Стиль : Выражение. Москва.
- Лосев, А. Ф.*, 1997, Имя. Санкт-Петербург.

Ефим Курганов

Лосев, А. Ф., 1999, Личность и абсолют. Москва.

Розанов, В. В., 1994, Мимолетное. Москва.

„Так истязуется и разпинается истина. . .” А. Ф. Лосев в рецензиях ОПТУ //

Источник, 1996:4, с. и 5-129.